

Анаста Эдби

Мой муж —
инопланетянин

Анаста Эдби

Мой муж — инопланетянин

«Литнет»

2026

Эдби А.

Мой муж — инопланетянин / А. Эдби — «Литнет», 2026

12+ Терапевтическая таблетка для тех, кто хочет сохранить семью и научиться получать любовь от неромантичного партнера. Выйти замуж и обнаружить, что твой муж... сломался? Еще вчера Эрик был обычным мужчиной, а после внезапного обморока заявляет, что он — инопланетный киборг! Теперь моя семейная жизнь — чистый абсурд. Муж стойко защищает периметр от вторжения, питается строго по БЖУ, делит уборку по потраченным килокалориям и отказывается дарить цветы, называя их «репродуктивными органами мертвых растений». А когда я прошу меня пожалеть, он выдает: «Система не может генерировать жалость к ошибкам». Развод? Ну уж нет! Батюшка сказал: «Не пьет, зарплату до копейки носит — идеальный мужик. Ведь ТЫ ИМЕННО ЭТОГО ХОТЕЛА! Смиряться». Что ж, вызов принят. Я научу этого бесчувственного сухаря эмпатии и любви. Главное — самой не сойти с ума. Ведь оказалось, что все мужчины — немного андроиды, просто нужно знать к ним правильные пароли! О книге: Эту историю написал не просто профессиональный писатель, а практикующий дипломированный коуч ICF с богословским образованием. Под маской искрометной комедии скрывается глубоко терапевтичная книга. Если вы устали от холодности партнера, вам кажется, что вы говорите на разных языках, или вы стоите на грани развода — эта история бережно обнимет вас, поможет посмеяться над бытовыми проблемами и подскажет, как спасти отношения, когда опускаются руки.

© Эдби А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Точка кипения	6
ГЛАВА 1. Романтика по ГОСТу	10
ГЛАВА 2. Апокалипсис в супермаркете	14
ГЛАВА 3. Операция «Эклер»	18
ГЛАВА 4. Бухгалтерия Матрицы	22
ГЛАВА 5. Биологическая угроза	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

ПРОЛОГ. Точка кипения

Махровое полотенце цвета пыльной розы летело через всю спальню с грацией подбитого бомбардировщика. Оно несло в себе всю тяжесть моего женского отчаяния, невыплаканных слез, рухнувших надежд и трех лет нереализованной потребности в элементарных обнимашках. Это был не просто кусок хлопка, купленный по акции в «Икее». Это был снаряд, начиненный концентрированной болью.

Я вложила в этот бросок всю свою душу. Траектория была безупречна. Цель — широкая, идеально прямая спина моего законного мужа, который в этот момент методично, под линейку, раскладывал свои носки по градиенту серого.

За секунду до столкновения Эрик, даже не оборачиваясь, сделал минимальное, хирургически выверенное движение корпусом влево. Ровно на пять сантиметров. Полотенце со свистом пронеслось мимо и шлепнулось на идеально чистый ламинат.

Эрик медленно повернулся. Его лицо, красивое, словно высеченное из античного мрамора, не выражало абсолютно ничего. Ни гнева. Ни удивления. Ни даже банального мужского раздражения. Его небесно-голубые глаза смотрели на меня с ледяной пустотой включенного сканера штрих-кодов в супермаркете.

— Скорость объекта составила приблизительно двенадцать метров в секунду, — произнес он своим ровным, глубоким баритоном, в котором не было ни единой эмоциональной вибрации. — Учитывая массу полотенца и угол броска, риск нанесения мне физических увечий равнялся нулю. Аня, объясни логику данного действия. Затраты кинетической энергии абсолютно нецелесообразны.

— Нецелесообразны?! — мой голос сорвался на ультразвук, от которого, кажется, должны были полопаться бокалы. — Нецелесообразны?! Да ты издеваешься надо мной! Ты просто бесчувственный чурбана кусок! Робот!

Я стояла посреди нашей спальни, растрепанная, с красным от слез носом, в своей любимой пижаме с дурацкими пандами, и чувствовала, как внутри меня рушится целая вселенная. Моя женская, сложная, тонко настроенная экосистема, которой так нужен был дождь из сочувствия и солнце из ласковых слов, окончательно превратилась в выжженную пустыню.

— Термин «чурбан» этимологически восходит к обрубку дерева, — спокойно парировал муж, чуть склонив голову набок, словно скачивая данные из Википедии напрямую в мозг. — Мой организм состоит из углерода, водорода, кислорода и азота на девяносто шесть процентов. Твое утверждение биологически некорректно. Что касается роботов, они не обладают биологической оболочкой. Твоя эмоциональная реакция вызвана гормональным всплеском или нарушением уровня глюкозы? Я могу сделать сладкий чай.

— Я не хочу чай! Я хочу, чтобы ты меня обнял! Я хочу, чтобы ты хоть раз повел себя как живой человек, а не как перепрошитая микроволновка! — я упала на колени перед открытым чемоданом и начала яростно запихивать туда свои свитера, не разбирая, где лицевая, а где изнанка. — Всё! Сил моих больше нет! Я подаю на развод!

Слово «развод» повисло в воздухе — тяжелое, как свинцовая туча.

Для любой нормальной семьи это точка невозврата. Момент, когда бьются тарелки, когда всплывают старые обиды, когда муж либо падает в ноги, либо хлопает дверью, уходя в ночь. Любая реакция — гнев, боль, страх — доказала бы, что между нами еще есть хоть какая-то связь.

Но мой муж только слегка сузил глаза.

— Развод, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Юридическое расторжение брака. Разделение имущества. По статистике, это приведет к снижению твоего уровня жизни на тридцать четыре процента. Тебе придется искать новое жилье. Учитывая твою текущую зара-

ботную плату и инфляцию, это крайне неоптимальный алгоритм действий. Ты будешь испытывать дискомфорт. Зачем запускать процесс, ведущий к ухудшению базовых показателей выживания?

Я замерла со свитером в руках. Слезы катились по щекам, капая на серую шерсть.

Господи. За что?

Я ведь даже не знала его до свадьбы. Я, наивная, чистая душа, которая собиралась уйти в монастырь!

В моей памяти, словно кадры старой киноплёнки, пронеслись события трехлетней давности. Запах ладана в полутемном храме. Моя длинная черная юбка в пол. Моя абсолютная готовность посвятить жизнь Богу, петь на клиросе, печь просфоры и никогда, никогда не связываться с этими сложными, непонятными земными мужчинами.

И мой духовник, отец Амвросий — двухметровый батюшка с седой окладистой бородой и голосом, от которого дрожали купола. Как сейчас помню тот день. Я подошла к нему за благословением на поступление в послушницы, а он вдруг развернул меня за плечи и ткнул пухлым пальцем в сторону церковной ограды.

Там, прислонившись к березе, стоял высокий, невероятно красивый мужчина с совершенно потерянным взглядом.

— В монастырь она собралась! Ишь, прыткая какая! — загремел отец Амвросий. — От трудностей бежишь, девка? От гордыни своей прячешься за черным платком? А крест семейный понести не хочешь? Вон, смотри. Раб Божий Эрик. Жена бросила, обобрала до нитки. Он от горя аж в обморок прямо у ворот рухнул, насилу откачали. Душа живая страдает! Вот твой монастырь, Аня. Выходи за него. Идеальный муж будет. Не пьет, не курит, работает как вол. Смиряться, терпи, любовью своей отогревай! Благословляю!

Кто я такая была, чтобы спорить со старцем? Для нас, православных девочек, послушание духовнику — это святое. Я поверила. Я посмотрела в эти небесные глаза человека, который только что очнулся от обморока, и решила, что стану его ангелом-хранителем. Я буду его любить так сильно, что исцелю все его раны. Я заставлю его снова поверить в женщин.

Откуда мне было знать, в какой именно момент он упал в этот свой знаменитый обморок? Откуда мне, гуманитарии, мечтательнице, читающей Псалтирь и романы Джейн Остин, было знать, что в момент его величайшего горя и потери сознания, где-то в глубоком космосе взорвался крейсер? И что сознание боевого инопланетного андроида МАХ735, спасаясь от гибели, прошло слои атмосферы и юркнуло в опустевшее, отключенное тело брошенного мужа?

Я выходила замуж по послушанию за мужчину с травмой. А вышла за тостер. За идеальный, сверхмощный, хладнокровный бортовой компьютер, в котором напрочь отсутствовала функция «эмпатия».

Три года. Три года я пыталась пробить эту броню.

Я поглощала литературу тоннами. Отчаянно мешала в одну кучу бестселлеры по семейной психологии и строгие поучения святых отцов, пытаясь нащупать хрупкий баланс между «отстаиванием личных границ» и «христианским смирением». Гуру психологии клялись, что любому мужчине нужно иногда уходить в свою внутреннюю «пещеру», чтобы переварить стресс. Я честно ждала у входа с пирожками и кротостью. Вот только мой муж не уходил в пещеру на время — он был там официально прописан. Более того, он залил там бетонный пол, провел высокоскоростной интернет и методично расставлял сталактиты по законам золотого сечения, замеряя расстояние между ними лазерным уровнем.

Я пыталась «говорить через рот», как учат популярные психологи. Я говорила прямо: «Мне грустно. Мне нужно, чтобы ты меня пожалел». На что получала логичный ответ: «Зачем генерировать жалость к ситуации, которую невозможно исправить. Рекомендую принять теплую ванну, это расслабляет мышцы».

Я объясняла ему, что моя женская природа устроена иначе. Что мы, женщины, как сложный океан: нам нужны приливы и отливы, штормы и штили, нам нужно, чтобы нас слушали, даже когда мы несем полную околесицу. А мужская природа в его исполнении оказалась не просто другой. Она была операционной системой, написанной на бинарном коде: 1 — проблема есть, надо решить. 0 — проблемы нет, переходим в спящий режим.

И я смирялась. Честно смирялась! Я находила плюсы. Да, он не дарил мне цветы (потому что «мертвые репродуктивные органы растений загрязняют воздух гниением»). Зато он с пугающей эффективностью отшивал свою меркантильную бывшую, анализируя ее истерики как «выделение жидкости для манипуляции ресурсами». Он был непробиваемой стеной. За ним было безопасно, как в банковском хранилище.

Но в банковском хранилище холодно. Там невозможно жить. Там замерзает душа.

А сегодня... сегодня был предел. У меня на работе случилась настоящая катастрофа. Начальник несправедливо обвинил меня в срыве проекта, накричал при всех, унизил. Я ехала домой, глотая слезы, мечтая только об одном: уткнуться Эрику в плечо, почувствовать его сильные руки, услышать банальное «Он — козел, а ты у меня — самая лучшая, мы со всем справимся».

Но когда я, размазывая тушь, рассказала ему все, он взял бумагу, ручку, расчертил таблицу и за пять минут математически доказал мне, что начальник был абсолютно прав с точки зрения бизнес-процессов, а моя ошибка была очевидна и нелогична.

Он не хотел меня ранить. Он просто выдал мне аналитический отчет.

И меня прорвало.

— Мне не нужны твои алгоритмы! — я с размаху захлопнула чемодан, так что замок лязгнул, как гильотина. — Мне не нужна твоя статистика выживания! Я живая, понимаешь ты?! Живая! Мне больно! И если мой уход не вписывается в твои графики, то это твои проблемы!

Я подхватила чемодан и решительно направилась к двери спальни. Внутри меня все дрожало. Я ждала, что он остановит меня. Перегородит дорогу. Схватит за руку. Ну хоть что-то сделает! Хоть один сбой в его чертовой идеальной программе!

Эрик стоял посреди комнаты, идеально ровно, как статуя командора.

— Твой пульс учащен до ста двадцати ударов в минуту, — констатировал он без единой эмоции. — Дыхание прерывистое. В таком состоянии управлять транспортным средством или принимать стратегические решения небезопасно.

— Оставь свои советы для стиральной машины, вы с ней найдете общий язык! — бросила я через плечо.

— Я проанализировал твои слова, Анна, — вдруг произнес он, и в его голосе промелькнула странная, едва уловимая вибрация, похожая на скрежет металла. — Ты ищешь того, чего в моей базе данных не существует. Ошибка совместимости протоколов. Если твой уход необходим для сохранения твоей базовой функциональности... я не стану тебя удерживать. Дверь открыта.

Я замерла в коридоре. Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то в район желудка.

Он меня отпускает. Просто так. Как деинсталлирует ненужную программу, которая жрет слишком много оперативной памяти.

Я стиснула ручку чемодана до побеления костяшек. Слезы высохли, оставив на щеках соленую корку. Значит, отец Амвросий ошибся. Нет тут никакой души, которую можно спасти. Только холодный, расчетливый интеллект.

— Прощай, Эрик. Или как там тебя на самом деле зовут.

Я толкнула входную дверь и шагнула в промозглую балтийскую ночь, еще не зная, что этот конец — только начало самой невероятной, абсурдной и смешной битвы за любовь, которую когда-либо видела наша галактика.

Но чтобы вы поняли, как мы докатились до этой точки, и почему я вообще продержалась три года с мужчиной, чья кровь, кажется, состояла из антифриза, мне придется отмотать время назад.

В тот самый день, когда отец Амвросий перечеркнул мою монастырскую карьеру одним благословляющим взмахом руки.

В день, когда я сказала «да» инопланетному разуму.

ГЛАВА 1. Романтика по ГОСТу

Говорят, что первый шаг к разводу — это пропасть между фильмом, который женщина крутит в своей голове, и суровой документалкой, которая транслируется в реальности.

Если бы существовал уголовный кодекс за преступления против женской психики, я бы первой подала иск на создателей романтических комедий. С самого детства нам, девочкам, вшивают в подкорку вирусный код: «Утро после свадьбы должно быть идеальным». В этом коде прописаны солнечные лучи, путающиеся в кружевных занавесках, запах свежесваренного кофе с корицей, мужская рубашка, небрежно накинутая на голое плечо, и, конечно же, он — потрясающий, влюбленный самец, который несет тебе в постель поднос с круассанами, попутно осыпая путь лепестками роз.

Мое первое утро в статусе законной жены Эрика началось с того, что я проснулась от подозрительной, звенящей тишины.

Никакого запаха кофе не наблюдалось. В воздухе витал легкий аромат антисептика «Хлоргексидин» и чего-то неуловимо стерильного, словно я проснулась не в семейном гнездышке, а в операционной.

Я сладко потянулась, поправила бретельку своей новенькой, купленной специально для медового месяца шелковой пижамы цвета шампанского, и улыбнулась. Мой внутренний семейный психолог ликовал. «Аня, — сказала я себе, — ты теперь замужем. Твой муж — человек с тяжелым прошлым, преданный бывшей женой. Ему просто нужно время, чтобы оттаять. Ты станешь для него безопасной гаванью, тихой пристанью, где его израненная душа наконец-то расцветет».

Боже, какой же непроходимой дурой я была. Если бы я только знала, что у моего мужа нет души, а вместо нее — квантовый процессор последнего поколения, я бы надела не шелковую пижаму, а костюм химзащиты.

Я босиком прошлепала на кухню, предвкушая, как сейчас подойду к нему со спины, обниму, прижмусь щекой к его теплой спине и скажу что-нибудь бесконечно нежное.

Эрик сидел за кухонным столом. Он был полностью одет — в строгие, идеально выглаженные брюки и серую водолазку, которая сидела на нем так ровно, словно ее нарисовали в 3D-редакторе. Его спина была прямой, как у английского гвардейца, проглотившего лом. Перед ним стоял раскрытый ноутбук, по экрану которого с бешеной скоростью бежали какие-то графики, цифры и диаграммы.

А еще перед ним стояли весы. Маленькие, кухонные, электронные весы. На которых лежала ровно одна четвертинка зеленого яблока.

— Доброе утро, любимый! — я грациозно оперлась о косяк двери, приняв позу, которая, по мнению глянцевого журнала, должна была свести мужчину с ума.

Эрик не вздрогнул. Он плавно, с пугающей механической точностью повернул ко мне голову. Его голубые глаза скользнули по моему лицу, затем опустились на шелковую пижаму, просканировали обнаженные плечи и вернулись к глазам. В его взгляде не было ни капли животной страсти. Так таможенник смотрит на декларацию о провозе валюты.

— Доброе утро, биологический юнит «Анна», — произнес он своим бархатым, глубоким баритоном. — Твой пульс в норме. Кожные покровы свидетельствуют о восьми часах и четырнадцати минутах непрерывной фазы сна. Это оптимально для восстановления центральной нервной системы. Однако твой температурный режим не соответствует среде. Температура в помещении девятнадцать градусов по Цельсию. Твоя одежда покрывает лишь тридцать два процента поверхности тела. Риск переохлаждения и последующей вирусной инфекции составляет семьдесят четыре процента. Надень шерстяные носки.

Я моргнула. Раз. Другой.

Биологический юнит «Анна»? Это что, такая ролевая игра?

Мужчины ведь часто защищаются от травм юмором. Наверное, он просто стесняется своей нежности после болезненного развода. Он боится показаться уязвимым! Мое сердце дрогнуло от прилива христианского сострадания.

— Какой ты заботливый, — я подошла ближе и попыталась сесть ему на колени.

За секунду до того, как моя стратегически важная часть тела коснулась его бедер, Эрик плавно откатился на офисном кресле назад. Я чудом удержала равновесие, ухватившись за край стола.

— Внимание, — спокойно констатировал он. — Конструкция данного кресла рассчитана на максимальную нагрузку в сто двадцать килограммов. Мой вес — восемьдесят два. Твой вес, согласно визуальному анализу массы тела и плотности костной ткани, составляет примерно пятьдесят шесть килограммов. Суммарная нагрузка — сто тридцать восемь. Превышение лимита прочности приведет к поломке газлифта. Порча имущества нерациональна. Присаживайся на стул из массива дуба, его коэффициент сопротивления выше.

Я медленно опустилась на дубовый табурет. Улыбка на моем лице начала слегка подергиваться, как изображение на старом телевизоре с плохой антенной.

— Эрик... милый. А где мой кофе? Где наш первый семейный завтрак? — я попыталась перевести все в шутку. — У нас вообще-то медовый месяц. Я думала, ты приготовишь что-нибудь особенное. И, если честно... я ждала цветы. Мы же вчера даже не отпраздновали нормально! Девочкам нужны цветы, понимаешь? Это знак внимания. Это создает атмосферу романтики.

Слово «романтика», казалось, вызвало в его системе легкое короткое замыкание. Он замер. Его зрачки на долю секунды сузились, словно объектив камеры, наводящий фокус.

— Цветы? — переспросил он таким тоном, будто я только что предложила ему инвестировать все наши сбережения в производство деревянных смартфонов.

— Ну да. Розы, лилии, пионы... или хотя бы ромашки. Любые! Главное — внимание.

Эрик сложил руки в замок и посмотрел на меня с искренним, ледяным недоумением.

— Аня. Давай проанализируем твой запрос с точки зрения логики и распределения ресурсов. Ты просишь меня отправиться в пункт реализации флористики, чтобы обменять наши финансовые ресурсы — эквивалент моего затраченного рабочего времени — на мертвые репродуктивные органы растений.

— Чего?.. — я поперхнулась воздухом.

— Мертвые репродуктивные органы покрытосеменных растений, — терпеливо, как умственно отсталому ребенку, пояснил мой муж. — Их отрезают от корневой системы, что автоматически запускает процесс некроза тканей. Ты хочешь, чтобы я принес в нашу жилую экосистему разлагающийся биологический материал, который будет выделять газ этилен, засорять поверхности опавшей органикой и окончательно сгниет через четыре-шесть дней? Какова целесообразность данного ритуала? Это не приносит калорий. Это не укрепляет несущие конструкции здания. Это абсурдный протокол.

Я сидела с открытым ртом. В моей голове сейчас с грохотом рушились хрустальные замки. Какие, к черту, мертвые репродуктивные органы?! Это же букет! Символ мужского внимания, заботы и любви!

В этот момент во мне проснулся рации. Ведь как нас учат? Мужчина — глава семьи. Его любовь выражается не в красивых словах, а в заботе, в обеспечении безопасности. Мы, женщины, по своей природе эмоциональны, мы цепляемся за внешние атрибуты — лепестки, свечи, вздохи под луной. А мужская природа фундаментальна. Он строит дом, он защищает. Возможно, его отказ покупать цветы — это просто высшая форма рациональной заботы о нашем будущем гнезде?

— Ладно, — выдохнула я, пытаюсь собрать остатки самообладания. — Допустим. Цветы — это непрактично. Я принимаю твою точку зрения. Но ведь любовь — это не только практичность, Эрик. Это радость. Это когда хочется баловать друг друга. Устраивать маленькие приятные сюрпризы.

— Радость — это биохимическая реакция, выброс дофамина, серотонина и эндорфинов, — невозмутимо парировал мой инопланетный андроид, поворачивая ко мне экран ноутбука. — Моя главная директива — обеспечить максимальную продолжительность и эффективность нашего функционирования. Я проанализировал статистику человеческой смертности, инфляцию, риски заболеваний и создал Идеальный План Выживания Семьи. Наша цель — дожить до ста лет при сохранении базовой мобильности. Смотри на экран.

Я скосила глаза на монитор. Там была таблица Excel. Нет, не так. Там была МАТРИЦА. Сотни вкладок, тысячи ячеек, окрашенных в разные цвета.

— Что это? — сглотнула я.

— Это наша новая финансово-биологическая стратегия, — Эрик кликнул мышкой, открывая график, который выглядел как кардиограмма инфарктника. — Я провел аудит твоих расходов за последние полгода, изучив историю транзакций в твоём банковском приложении, пока ты спала.

— Ты залез в мой телефон?! — я возмущенно вскочила. — Это нарушение личных границ!

— В браке нет личных границ. Мы — единая закрытая система жизнеобеспечения. Слияние ресурсов необходимо для оптимизации, — железно отрезал он. — И результаты аудита критические. Двадцать три процента бюджета ты тратишь на «вкусняшки» — соединения быстрых углеводов и трансжиров, которые ведут к инсулинорезистентности. Это неэффективно. С сегодняшнего дня мы переходим на режим строгой оптимизации БЖУ: белков, жиров и углеводов.

Я почувствовала, как по спине потекла холодная капля пота. В моей голове забила тревогу маленькая сирена.

— Оптимизации... чего?

— БЖУ, — Эрик указал на те самые кухонные весы с четвертинкой яблока. — Твое питание хаотично. Мое питание до сегодняшнего дня было нерегулярным. Я рассчитал наш базальный метаболизм. Отныне наш рацион будет состоять исключительно из гречневой крупы высшего сорта, отварного филе птицы, сезонных овощей без термической обработки и синтезированных аптечных витаминов. Это закроет все потребности организма в макро- и микро-нутриентах. Стоимость порции снижается на шестьдесят процентов. Энергетический потенциал возрастает на сорок.

— Ты хочешь сказать, — мой голос задрожал, — что мы теперь будем есть только гречку с вареной курицей? Каждый день? До конца жизни? А как же пирожные? А как же паста карбонара по выходным? А как же радость от еды?!

— Радость от еды — это эволюционный баг. Он заставлял древних людей запасать жир на случай голода, — Эрик закрыл ноутбук с тихим, зловещим щелчком. — Мы не в пещере. Голод нам не грозит. Еда — это просто биологическое топливо для поддержания работы систем. Закладывать в себя пасту карбонара — все равно что заливать сладкий сироп в бензобак автомобиля. Двигатель сломается. Я не позволю твоему двигателю сломаться.

Он смотрел на меня так серьезно, так пронзительно, что на секунду я даже почувствовала укол совести. Он ведь реально обо мне заботится! В его искаженной, машинной логике эта гречневая диета — аналог серенад под окном. Он буквально говорит мне: «Я хочу, чтобы твое сердце билось сто лет, и готов ради этого пожертвовать всеми удовольствиями мира».

Это была та самая мужская, суровая, неповоротливая любовь-действие. Но, Боже правый, как же от этой любви сводило челюсти и хотелось плакать! Женская природа жаждала не только

выживания. Она жаждала жизни. Жизни с ее ошибками, с шоколадным мороженым на ночь, всхлипываниями при просмотре слезливых мелодрам, со смехом и глупостями.

Мой муж-киборг только что объявил войну всему человеческому, что было в нашем быту, ради нашего же спасения.

— Значит так, Терминатор с калькулятором, — я уперла руки в бока, чувствуя, как внутри поднимается праведный женский гнев, щедро приправленный утренним недосыпом и голодом. — Я не бензобак! Я женщина! У меня есть нервная система, которой для нормального функционирования нужны углеводы в виде шоколада и эстетика в виде красивой еды! Иначе у меня случится сбой, и я перегрызу тебе твои идеальные оптические провода!

Эрик не моргнул. Он просто зафиксировал мою угрозу.

— Эмоциональный шантаж. Уровень кортизола повышен. Очевидный признак гипогликемии, — бесстрастно вынес вердикт мой муж. Он встал из-за стола, его движения были пугающе плавными и выверенными. — Гипотеза подтверждена. Твоя система нуждается в немедленной перезагрузке пищевых привычек.

Он подошел к вешалке, снял свое пальто и повернулся ко мне.

— Одевайся. Нам необходима тактическая вылазка. Мы отправляемся в центр распределения продовольствия.

— Куда? — не поняла я.

— В супермаркет «Ашан», — перевел на человеческий Эрик. — Мне необходимо лично проконтролировать закупку базового провианта на месяц, чтобы исключить вероятность саботажа с твоей стороны. И да... — он достал из кармана мой розовый кардхолдер с банковскими карточками, который я вчера оставила в сумке. — Во избежание несанкционированных трат на пищевой мусор и мертвые репродуктивные органы растений, все финансовые активы переходят под мой централизованный контроль.

Я смотрела на свои карточки, зажатые в его длинных, красивых, безжалостных пальцах.

Медовый месяц отменялся. Начиналась война миров. Война, в которой на одной стороне баррикад стоял здравый смысл, эксель и гречка, а на другой — женщина, которая всего лишь хотела эклер и любви. И я была намерена сражаться за этот эклер до последней капли крови.

ГЛАВА 2. Апокалипсис в супермаркете

Говорят, что совместный поход в супермаркет для молодоженов — это первый настоящий тест на совместимость. Это куда серьезнее, чем выбор обоев в спальню или знакомство с троюродной тетей из Саратова. Супермаркет — это наш современный Колизей, где сталкиваются две системы ценностей, две философии жизни и два совершенно разных подхода к распределению семейного бюджета.

В идеальном женском мире (том самом, который формируют гляцевые журналы и блоги счастливых инста-мамочек) совместный шопинг выглядит так: вы идете, держась за ручки, он катит тележку, ты со смехом бросаешь туда клубнику, шоколадный торт и бутылочку свежевыжатого фреша. Потом вы целуетесь в отделе замороженных овощей, а на кассе он небрежно достает платиновую карту, пока ты прижимаешь к груди киндер-сюрприз.

В реальности с моим инопланетным мужем-киборгом наш визит в «Ашан» больше напоминал высадку десанта в тыл врага.

Все началось еще на парковке. Эрик не просто взял тележку. Он провел ее полный технический осмотр.

— Левое переднее колесо имеет отклонение оси на три целых и две десятых градуса, — бесстрастно сообщил он, крутанув колесико длинным указательным пальцем. — Это создаст дополнительное сопротивление качению. Затраты мышечной энергии возрастут на восемь процентов, маневренность в узких проходах снизится. Это неэффективно. Жди здесь.

Он забраковал четыре тележки подряд, пока не нашел идеальную — с безупречной аэродинамикой и плавным ходом. Когда мы наконец пересекли автоматические двери гипермаркета, я почувствовала себя сержантом, который сопровождает генерала на инспекцию ядерного полигона.

На нас тут же обрушилась мощная сенсорная атака: яркий свет, бодрящая музыка и тот самый, сводящий с ума запах свежей выпечки. Знаете, этот аромат теплого хлеба, корицы и ванили, который маркетологи специально распыляют через вентиляцию, чтобы отключить у покупателей критическое мышление?

На меня это сработало мгновенно. Моя женская, стрессующая от утренних новостей про диету нервная система взвыла: «Углеводы! Срочно! Спасаем жизнь!». Я, как зомби, потянулась к подрумяненной слоеной улитке с сыром и шпинатом, сиротливо лежащей за стеклом витрины.

Но не тут-то было. Мою руку перехватили в воздухе с ловкостью Брюса Ли.

— Внимание. Биологическая угроза, — голос Эрика прозвучал так серьезно, словно я пыталась голыми руками взять обогащенный уран.

— Эрик, это просто улитка, — взмолилась я, глядя на мужа глазами кота из «Шрека». — Смотри, какая она милая. Одна маленькая улиточка. Мы разделим ее пополам. Это так романтично!

— Я анализирую состав данного объекта, — Эрик приблизил лицо к витрине, и мне показалось, что из его глаз сейчас вырвутся лазерные лучи-сканеры. — Мука высшего сорта в слоеном тесте — лишена клетчатки, чистый крахмал. Маргарин — гидрогенизированные растительные жиры, изменяющие структуру клеточных мембран. Заявленный в начинке шпинат термически разрушен, витаминный профиль равен нулю. А сырный компонент состоит из пальмового масла и избытка натрия, ведущего к задержке жидкости в организме. Анна, этот объект — маркетинговая уловка. Это пищевой мусор, замаскированный под иллюзию здоровой пищи. Поглощение данного продукта приведет к сокращению твоей жизни на микроуровне. Запрос отклонен.

Он плавно, но непреклонно отвел мою руку от витрины и развернул тележку в сторону бакалеи.

Я поплелась следом, чувствуя, как внутри закипает обида. Обида маленькой девочки, которой не купили игрушку.

Кстати, если посмотреть на причины разводов, то конфликты из-за денег и покупок стабильно входят в тройку лидеров. И психологи часто говорят: дело не в самих деньгах. Дело в том, что для женщины мелкие траты (кофе навынос, пирожное, красивая чашка) — это способ саморегуляции. Это покупка эмоций, снижение тревоги, создание уюта. Мы покупаем не вещь, мы покупаем состояние «мне хорошо и безопасно».

А для мужчин деньги — это ресурс выживания. Мужская безопасность строится не на эмоциях, а на фундаменте: сколько запасов в амбаре, насколько крепка крыша. И когда муж контролирует бюджет, это далеко не всегда означает, что он жадный тиран и абьюзер. Чаще всего это значит, что ответственность за выживание семьи давит на него бетонной плитой, и он пытается обрести контроль над этим хаосом единственным доступным ему способом — через цифры и оптимизацию.

В случае с Эриком эта мужская базовая прошивка была выкручена на максимум, доведена до абсолютного кибернетического абсурда. Конечно же, он не жалел на меня денег. Он искренне спасал меня от химического отравления выпечкой.

Но легче мне от этого не становилось.

Мы свернули в отдел круп. И тут началось шоу.

Эрик замер перед стеллажом с гречкой. Его зрачки слегка расширились, обрабатывая массивы данных. Он взял одну пачку, посмотрел на ценник, затем на вес. Взял другую.

— Бренд «А» предлагает восемьсот граммов за сто двадцать рублей, — начал бормотать он вслух. — Стоимость одного килограмма составляет сто пятьдесят рублей. Бренд «Б» предлагает девятьсот граммов за сто тридцать рублей. Стоимость одного килограмма — сто сорок четыре рубля. Однако визуальный анализ ядер гречихи бренда «Б» показывает наличие тринадцати процентов темных, пережаренных зерен, что свидетельствует о нарушении технологии термообработки и потере аминокислотного профиля. Оптимальный выбор — бренд «В». Упаковка три килограмма. Максимальная выгода.

С этими словами он начал методично сгружать в нашу тележку гигантские мешки с гречкой. Один. Два. Три. Четыре. Пять.

— Эрик, остановись! — я в ужасе схватила его за рукав водолазки. — Мы что, ждем ядерную зиму? Зачем нам пятнадцать килограммов гречки?! Нас всего двое!

— Закупка оптовых партий базового ресурса снижает временные затраты на логистику в будущем, — невозмутимо ответил мой Терминатор, укладывая шестой мешок. — Греча — идеальный сложный углевод. Имеет длительный срок хранения. Не подвержена быстрой деградации. Обеспечивает стабильный уровень глюкозы в крови. Это основа нашего Идеального Плана Выживания.

Я с тоской посмотрела на нашу тележку, которая теперь напоминала гуманитарный груз для осажденного города.

Затем мы перешли в мясной отдел. Здесь я решила взять реванш. Пока Эрик высчитывал процентное соотношение белка в куриных грудках (попутно отбраковывая тех птиц, которые, по его мнению, «имели признаки избыточной гормональной терапии»), я попыталась провести диверсию. Я тихонько, как опытный ниндзя, стянула с полки палку сырокопченой колбасы и спрятала ее под мешком гречки.

Но у моего мужа, похоже, был встроенный тепловизор, настроенный на пищевой мусор. Не поворачивая головы, он опустил руку в тележку, безошибочно нащупал колбасу и извлек ее на свет божий, держа двумя пальцами за краешек упаковки, как дохлую мышь.

— Что это, Анна? — его голос понизился на полтона.

— Колбаска... — пискнула я. — По акции. Всего двести девяносто рублей. На завтрак, на бутербродик...

— Я читаю состав, — безжалостно произнес Эрик. — Мясо птицы механической обвалки, шпик, соевый белок, фиксатор окраски нитрит натрия, усилитель вкуса глутамат натрия. Это не еда. Это химический конструктор, имитирующий вкус мяса для обмана твоих вкусовых рецепторов. Риск развития онкологических заболеваний при регулярном употреблении нитрита натрия возрастает на двадцать два процента. Мы не будем инвестировать наши ресурсы в медленный суицид.

Колбаса полетела обратно на полку.

Я поняла, что проиграла. Вся наша продуктовая корзина превратилась в мечту фитнес-фанатика, страдающего паранойей. Куриные грудки. Индейка. Огурцы. Капуста (которую я ненавидела с детского сада). Яйца. И горы, просто Эвересты гречки.

Никакого сыра с плесенью. Никаких греческих йогуртов с манговым пюре. Никаких шоколадок по акции на кассе. Моя жизнь стремительно превращалась в стерильную лабораторию.

Мы расплатились на кассе. Точнее, расплатился Эрик. Он достал МОЮ розовую карточку, которую экспроприировал утром, и четко приложил ее к терминалу. Я смотрела на это с чувством глубокой экзистенциальной тоски. Он забрал мои деньги не для того, чтобы купить себе пива или запчастей для машины. Он забрал их, чтобы спасти меня от меня же самой.

И как, скажите на милость, психовать на мужа, который лишил тебя сладкого исключительно ради твоего же блага? Это был идеальный, непробиваемый психологический капкан. В нем не было токсичности. В нем не было абьюза в классическом понимании. В нем была только кристально чистая, абсолютная, убийственная рациональность, не оставляющая камня на камне от моей человеческой природы.

Финальным аккордом стал наш визит в аптечный киоск на выходе из супермаркета.

Я уныло стояла рядом с тележкой, полной тоскливой правильной еды, пока Эрик общался с фармацевтом. Он не просил лекарств от простуды. Он диктовал список так, словно собирал аптечку для полета на Марс.

— Витамин D3 в дозировке пять тысяч международных единиц. Омега-3 кислоты, форма триглицеридов, с содержанием EPA и DHA не менее тысячи миллиграммов. Хелатный магний. Цинк пиколинат.

Фармацевт, миловидная женщина средних лет, смотрела на моего мужа с благоговением. Еще бы! Мужчина, который так заботится о здоровье семьи — это же вымирающий вид, занесенный в Красную книгу!

Когда он расплатился и сгрузил пакет с баночками в тележку, поверх куриных грудок, я не выдержала.

— Эрик, мы же потратили на эти витамины целое состояние! — прошипела я. — Мы могли бы на эти деньги сходить в шикарный ресторан! Съесть стейк, потрясающий десерт, послушать джаз, посмотреть друг другу в глаза при свечах...

Эрик остановился прямо посреди холла торгового центра. Люди обтекали нас с двух сторон, звеня тележками, а он смотрел на меня сверху вниз своим пронзительным, сканирующим взглядом, в котором не было ничего человеческого, но была какая-то странная, пугающая глубина.

Он положил свои большие, сильные ладони мне на плечи. От этого прикосновения по моему позвоночнику побежали мурашки.

— Ресторан — это иллюзия благополучия и нецелевое расходование ресурса, — произнес он своим низким, гипнотическим голосом. — Жареный стейк содержит конечные продукты гликирования, разрушающие коллаген в твоей коже. Твой «потрясающий десерт» — это прямой гликемический удар, изнашивающий поджелудочную железу. Хаотичные звуковые

волны джаза создают фоновый стресс для центральной нервной системы, а горение свечей поглощает кислород и выделяет токсичные микрочастицы копоти, затрудняя дыхание.

Он сделал микропаузу, и его длинные пальцы чуть сильнее сжали мои плечи.

— Я проанализировал хрупкость человеческой конструкции. Твое тело уязвимо, Анна. Моя задача как доминирующего юнита в этой связке — минимизировать риски. А визуальный контакт в глаза мы можем осуществлять и дома, при безопасном диодном освещении, не портящем сетчатку. Эти препараты восполнят дефициты, которые невозможно перекрыть современными продуктами питания.

Он чуть наклонился ко мне, так что я почувствовала запах хлоргексидина и свежести.

— Оптимальное БЖУ, Анна, — произнес он ту самую фразу, которая отныне должна была стать девизом нашей семьи. — Мы доживем до ста лет.

Я посмотрела в его пронзительно ледяные, идеально симметричные глаза.

Он не шутил. Он был абсолютно серьезен. Он распланировал нашу жизнь на семьдесят лет вперед, и в этом плане не было места ни спонтанности, ни пирожным. Он предлагал мне сто лет идеального здоровья, взамен требуя отказаться от радости.

И в этот момент, глядя на его серьезное лицо, до меня дошла одна простая мысль. Господь создал нас свободными. Он дал нам свободу воли — даже свободу ошибаться, есть запретные плоды (или запретные круассаны) и нести за это ответственность. Без свободы нет любви, есть только дрессировка и алгоритмы. Эрик пытался построить рай на земле с помощью электронных весов и контроля.

Но я была дочерью Евы. А значит, никакая система безопасности не могла удержать меня от нарушения правил.

«Мы доживем до ста лет, мой милый киборг, — подумала я, послушно кивая и опуская глаза, чтобы он не просканировал в них зарождающийся бунт. — Но если я не съем хотя бы одно пирожное на этой неделе, я точно убью тебя на девяносто девятом году жизни».

Тележка покатила к выходу на парковку. В моей голове, пока еще робко, но уже очень настойчиво, начал формироваться план создания теневой экономики нашей семьи. План, который включал в себя тайные наличные заначки, шпионские вылазки в кофейни и виртуозное сокрытие улик в виде чеков и крошек.

Война за углеводы официально объявлялась открытой.

ГЛАВА 3. Операция «Эклер»

Третий день Великой Гречневой Депрессии начался с того, что я всерьез начала присматриваться к кошачьему корму.

У нас не было кота. Но в рекламе по телевизору эти подушечки в соусе из кролика выглядели так сочно, так аппетитно и, главное, так влажно, что у меня непроизвольно потекли слюнки.

Жизнь в режиме «Оптимального БЖУ» оказалась суровее, чем Великий пост в строгом монастыре. Потому что в монастыре ты постишься ради Бога, ради очищения души, и этот подвиг наполнен внутренним светом и смыслом. А здесь я давилась сухой едой исключительно во имя того, чтобы моя биологическая оболочка дотянула до ста лет и не огорчала мужа поломками.

Куриная грудка, сваренная Эриком строго по таймеру без единой крупинки соли (потому что «натрий задерживает воду и перегружает почечные лоханки»), по вкусу и текстуре напоминала монтажную пену. Жевалась она примерно с тем же успехом. Я сидела за столом, уныло гоняя вилкой по тарелке ядра гречихи, и чувствовала, как во мне медленно умирает женщина и рождается унылый спартанец.

Эрик сидел напротив. Он не ел. Он заправлялся топливом. Его челюсти двигались с ритмичностью метронома — ровно тридцать два жевательных движения на каждую порцию, чтобы ферменты слюны успели запустить процесс первичного расщепления углеводов.

Я смотрела на его идеальное, спокойное лицо и думала о том, что святые отцы были правы: закон без благодати мертв. Правила, лишённые милосердия и любви, превращаются в тюрьму. Эрик создал для нас идеальную, стопроцентно безопасную среду. Он взял на себя ответственность за мою жизнь. Но в этой стерильной безопасности было так холодно, что хотелось выть на луну.

Женская психика устроена хитро. Мы можем вынести любые трудности — безденежье, переезды, ремонт, даже внезапный приезд родственников на выходных. Но только если в этом всем есть место для маленькой, нелогичной радости. Нам нужна эта пресловутая «вишенка на торте», чтобы чувствовать себя живыми. Эрик же выкинул и вишенку, и торт, оставив только таблицу калорийности.

— Мой уровень кортизола требует прогулки, — мрачно заявила я, отодвигая тарелку с недоеденным пенопластом... то есть грудкой. — Я иду дышать воздухом.

Эрик мгновенно отсканировал меня взглядом, в котором на секунду мелькнула голубоватая подсветка (или мне уже мерещилось от голода?).

— Решение логично, — кивнул он. — Индекс ультрафиолета на улице равен двум — оптимально для синтеза витамина D без риска меланомы. Оксигенация тканей мозга необходима для твоей продуктивности. Рекомендуемая дистанция — десять тысяч шагов. Темп — сто десять шагов в минуту для поддержания целевой зоны пульса. Включить тебе трекер на телефоне?

— Я сама посчитаю! — огрызнулась я. — До ста десяти я как-нибудь досчитаю в уме.

Я выскочила в коридор и начала лихорадочно натягивать свой любимый бежевый тренч. Внутри меня зрела революция. Бунт на корабле. Моя внутренняя Ева кричала, что если она сейчас же не вкусит запретного плода, она откусит голову этому идеальному Адаму.

Проблема заключалась в том, что все мои банковские карты покоились в непробиваемом портмоне мужа. Он забрал их не из тирании, а ради моей же безопасности — чтобы я, не дай Бог, не подвергла себя «биологической угрозе» в виде сникерса на кассе. Я была финансово кастрирована.

По привычке я сунула руки в карманы тренча... Пусто. Проверила сумочку — только ключи, гигиеническая помада и влажные салфетки. Отчаяние холодной волной накатило на меня. Неужели придется идти в храм и просить милостыню на булочку?

И тут мой взгляд упал на зимнюю куртку, одиноко висящую в дальнем углу вешалки. Прошлый сезон. Я не надевала ее с марта.

С замиранием сердца, чувствуя себя заправским медвежатником, вскрывающим сейф, я подобралась к куртке и запустила руку в правый карман. Ничего. В левый...

Пальцы нащупали что-то бумажное. Смятое.

Я затаив дыхание, вытащила находку на свет и чуть не зарыдала от благоговения. Это была купюра. Пятьсот рублей. Смятая в комочек, забытая с прошлой зимы, пережившая стирку (судя по выцветшему профилю Петра Первого), но абсолютно, восхитительно настоящая!

«Господи, спасибо тебе, — мысленно вознесла я молитву. — Ты не оставляешь вдов и сирот, а также женщин, которых посадили на принудительное БЖУ».

Я бережно расправила купюру, спрятала ее в бюстгалтер (единственное место, которое мой благоверный пока не инспектировал с металлоискателем) и пулей вылетела из квартиры.

Солнечный день показался мне невероятно ярким. Я шла по улице, и каждый мой шаг был наполнен предвкушением сладкого грехопадения. Я не просто шла в пекарню. Я шла отвыкать свое право на человечность.

Маленькая французская кофейня на углу встретила меня перезвоном колокольчика и ароматом, от которого у меня подкосились колени. Запах свежемолотой арабики, карамели и растопленного сливочного масла ударил по моим изголодавшимся рецепторам мощнее, чем нашатырь.

Я подошла к витрине и прилипла к стеклу.

Они лежали там, на белоснежных салфетках, подсвеченные теплым ламповым светом, словно слитки золота в Алмазном фонде. Эклер. Не просто эклер — а совершенное произведение кулинарного искусства. Заварное тесто, хрустящее снаружи и нежное внутри. Шапочка из бельгийского шоколада, поблескивающая, как рояль в концертном зале. И заварной крем... Боже, этот крем с натуральной ванилью, который грозил инсулинорезистентностью, разрушением коллагена и прочими карами, которые предрекал мой муж.

— Мне один эклер, пожалуйста, — прохрипела я голосом Вито Корлеоне, заказывающего убийство. — Классический.

— С собой или здесь будете кушать? — мило улыбнулась бариста.

Я оглянулась на панорамные окна кофейни. Сердце тревожно екнуло. А вдруг Эрик установил программу распознавания лиц на уличные камеры? Вдруг он прямо сейчас через спутник анализирует мое перемещение? Если он увидит меня сидящей в кафе с эклером, он же вызовет группу быстрого реагирования Минздрава!

— С собой. В непрозрачный пакет, пожалуйста. И заверните в две салфетки.

Расплатившись своей спасенной пятисоткой, я схватила шуршащий бумажный крафт и выскользнула на улицу.

Миссия перешла в критическую фазу. Мне нужно было надежное укрытие. Место, где нет камер, где меня не увидят соседи, и где я смогу предаться пищевому разврату в полном одиночестве.

Мой выбор пал на сквер за домом. Там, в самом центре, росли густые, непролазные кусты сирени, образующие нечто вроде зеленого бункера. Идеальная слепая зона.

Я пробралась сквозь ветки, оглядываясь по сторонам, как Штирлиц во вражеском тылу. Убедившись, что за мной никто не следит (кроме одного подозрительного голубя, который смотрел на меня с явным осуждением), я опустила на корточки прямо на сухую траву.

Дрожащими руками я надорвала бумажный пакет.

Вы когда-нибудь задумывались, почему запретный плод сладок? Психологи говорят, что дело в гиперфокусе внимания. Когда нас чего-то лишают, ценность этого объекта возрастает в сотни раз. Эрик, желая спасти меня, сам того не ведая, превратил обычный кусок теста с кремом в Грааль.

Я поднесла эклер ко рту и откусила половину.

Взрыв. Фейерверк. Катарсис.

Хруст корочки, за которым последовала лавина прохладного, сладкого, обволакивающего крема. Шоколадная помадка таяла на языке. Я закрыла глаза и застонала вслух. В этот момент я любила этот эклер больше, чем себя, больше, чем мир, и, прости Господи, сильнее, чем мужа вне его инопланетного обморока.

Я жевала, пачкая губы и нос в шоколаде, и чувствовала, как по моему телу разливается тепло. Как расслабляются спазмированные от стресса мышцы спины. Как отступает тревога. Сахар бил по рецепторам, дофамин стартовал в стратосферу.

«Получи, дурацкое БЖУ! — мстительно думала я, доедая вторую половину. — Съешь это, идеальный план выживания! Я — человек! Я имею право на вкусную ошибку!».

Голубь подошел ближе и клюнул пустой крафтовый пакет. Я показала ему язык.

Расправившись с эклером за сорок секунд (новый олимпийский рекорд), я перешла к протоколу зачистки территории. Я достала влажные салфетки и тщательно, до скрипа, вытерла губы, подбородок и даже щеки — на случай, если крем предательски капнул мимо. Затем я закинула в рот сразу две подушечки мятной жвачки «Орбит Ледяная свежесть». Мое дыхание теперь могло заморозить небольшое озеро.

Улики — пакет и салфетки — я закопала глубоко в урну на другом конце сквера, присыпав сверху чьей-то выброшенной газетой.

Я возвращалась домой походкой победителя. Мой шаг был легким, грудь расправлена, а в глазах плясали бесовские искорки. Я взломала матрицу. Я обхитрила суперкомпьютер. Я была непобедима.

Щелкнул замок. Я толкнула дверь квартиры, напевая себе под нос какой-то веселый мотивчик.

Эрик стоял в коридоре.

Он не просто стоял. Он замер в позе ожидания, скрестив руки на груди, идеально ровный, как античная статуя, одетая в домашние брюки. Его лицо оставалось бесстрастным, но в воздухе висело какое-то странное, высоковольтное напряжение.

— Привет, милый! — прощепетала я, разуваясь. — Ох, какая чудесная погода на улице! Я прошла свои десять тысяч шагов. Чувствую себя просто потрясающе! Оксигенация прошла успешно!

Я сделала шаг к нему, чтобы чмокнуть в щеку, но он вдруг поднял руку, останавливая меня.

Его ноздри едва заметно дрогнули. Он сделал шаг ко мне. Я невольно вжалась спиной во входную дверь.

Эрик склонился надо мной. Его лицо оказалось в десяти сантиметрах от моего. Я видела каждую идеальную ресничку, каждую крапинку в его небесных глазах. И сейчас эти глаза были сфокусированы на мне с пугающей, нечеловеческой интенсивностью.

Он не стал меня нюхать — от меня разлило мятным «Орбитом» так, что у нормального человека заслезилась бы глаза. Он смотрел глубже.

— Пульс — восемьдесят пять ударов в минуту, — медленно, как робот, озвучивающий результаты томографии, произнес он. — Зрачки расширены на три миллиметра больше нормы, допустимой при текущем освещении. Температура кожных покровов повышена на ноль целых, четыре десятых градуса.

— Я... я же быстро шла, — пискнула я, чувствуя, как по спине течет холодный пот. — Кардионагрузка...

— Микротремор в мышечных тканях отсутствует, что противоречит заявленной усталости после аэробной нагрузки, — безжалостно отсекая мои оправдания Терминатор. Его взгляд скользнул по моим губам, затем опустился на шею, где билась жилка. — Дыхательный паттерн поверхностный, прерывистый. Индикатор стресса в попытке скрыть информацию.

Он замолчал на секунду. В этой тишине я физически слышала, как в его голове крутятся шестеренки процессора, сопоставляя данные, анализируя переменные и вычисляя вероятность.

А затем он вынес вердикт. Тихим, ровным голосом, от которого у меня душа ушла в пятки:

— Анализ завершен. Базальный метаболизм нарушен. Зафиксирован незапланированный скачок сахара в крови. Уровень дофамина и серотонина визуально превышает норму на четыреста процентов. Данная биохимическая реакция не могла быть вызвана пешей прогулкой и созерцанием флоры.

Он прищурился, и его голос обрел металлическую твердость.

— В систему поступили быстрые углеводы. Очевидный саботаж протокола БЖУ. Выявляю источник финансирования диверсии.

Он протянул руку и... медленно, неотвратимо, потянулся к карманам моего бежевого тренча.

Мое сердце остановилось. Если он найдет там сдачу с пятисотки — триста пятьдесят рублей мелочью, которые я по глупости сунула в карман — мне конец. Моя теневая экономика будет раскрыта, а меня, вероятно, посадят под домашний арест с внутривенным введением шпината.

— Эрик, стой! — крикнула я, перехватывая его запястье.

Но было поздно. Его длинные пальцы уже погрузились в карман.

ГЛАВА 4. Бухгалтерия Матрицы

Его длинные, прохладные пальцы погрузились в недра моего левого кармана с неотвратимостью налогового инспектора, вскрывающего черную кассу.

Моя жизнь пронеслась у меня перед глазами. Я мысленно попрощалась с записками, свободой и правом когда-либо еще почувствовать вкус шоколада. Сейчас он достанет эту жалкую сдачу в триста пятьдесят рублей, сложит два и два, вычислит стоимость эклера в ближайшей кофейне, и моя блестящая шпионская легенда рухнет, погребя меня под обломками позора.

Пальцы Эрика сомкнулись на добыче. Он медленно, не сводя с меня своих сканирующих карих глаз, вытащил руку из кармана.

На его широкой ладони лежали три смятые сторублевки и один полтинник.

Воздух в коридоре можно было резать ножом.

— Неучтенные финансовые активы, — констатировал мой личный Терминатор, и его голос лязгнул металлом. — Тридцать пять процентов от номинала купюры, изначально находившейся в этой куртке.

— Ты... ты знал про пятисотку?! — ахнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Я сразу провел инвентаризацию гардероба. Купюра была зафиксирована, но оставлена на месте в качестве контрольного маркера для проверки твоего финансового поведения. — Он слегка наклонил голову, анализируя мой шок. — Куда были инвестированы сто пятьдесят рублей, Анна? Биохимические показатели указывают на поглощение быстрых углеводов.

У меня оставалась ровно одна секунда на спасение. Мозг, подстегнутый недавней дозой глюкозы, сработал с феноменальной скоростью.

— Я купила... гематоген! — выпалила я, глядя ему прямо в глаза с той кристальной честностью, на которую способны только великие грешники. — В аптеке! У меня закружилась голова после кардионагрузки, упал сахар. А гематоген — это аптечный препарат! Это бычья кровь, Эрик! Железо! Это полезно для кроветворения!

Эрик замер. Его система явно пыталась обработать этот парадокс. С одной стороны, гематоген наполовину состоит из сгущенного молока и сахара. С другой стороны, он действительно продается в аптеке и имеет медицинский сертификат. Это была серая зона его алгоритмов.

— Гематоген, — медленно повторил он, тестируя слово на рациональность. — Повышение уровня ферритина. Допустимая экстренная мера при гипогликемии. Однако форма выпуска содержит избыток сахарозы. В следующий раз при падении глюкозы рекомендую носить с собой ампулу раствора глюкозы для инъекций. Это эффективнее и не повреждает эмаль зубов. Изъятые средства, — он невозмутимо сунул мои триста пятьдесят рублей в карман своих домашних брюк, — переходят в общий фонд во избежание дальнейших несанкционированных закупок сомнительных БАДов. Инцидент исчерпан.

Он развернулся и ушел в комнату, оставив меня прислоненной к двери. Я медленно сползла по косяку вниз, выдыхая остатки мятного «Орбита».

Эклер остался нераскрытым преступлением. Идеальным убийством моего БЖУ. Я победила систему! Но радоваться было рано, потому что сегодня наступил день, которого я боялась больше, чем конца света.

Двадцать пятое число. День зарплаты.

В мире моих замужних подруг тема финансов всегда была поводом для сплетен и жалоб под чашку чая. Муж Ленки, например, постоянно ныкал часть премии, чтобы покупать апгрейды для своей виртуальной машины в танчиках, пока Ленка брала зимние сапоги в рассрочку. Муж Светки выдавал деньги строго по списку, требуя унижительных уговоров на каждый новый тюбик туши, а сам при этом мог спустить ползарплаты на эхолот для рыбалки.

Финансовое насилие, абьюз, жадность — эти слова так часто звучали вокруг, что мы, современные женщины, привыкли заранее держать оборону. Нам из каждого утюга кричат: «Имей подушку безопасности! Мужчинам нельзя доверять! Сегодня он есть, а завтра он ушел в закат, прихватив пароли от твоих соцсетей и микроволновку!»

И вот, когда ты выходишь замуж за человека, который в первый же день после свадьбы отбирает у тебя банковские карты ради «оптимизации», твой внутренний психолог бьет во все колокола: «Беги, Аня! Это тиран! Жадный психопат!».

Именно с такими мыслями я вошла вечером на кухню.

Эрик сидел на своем привычном месте. Перед ним был открыт ноутбук. На экране сияла она. Матрица. Та самая чудовищная эксель-таблица, от одного вида которой у гуманитария вроде меня начиналась мигрень.

— Присаживайся, Анна, — произнес он тем самым тоном, которым генеральные директора объявляют о слиянии корпораций. — Синхронизация финансовых потоков.

Я села на краешек стула, скрестив руки на груди в закрытой, оборонительной позе. Я была готова к битве. Я уже репетировала пламенную речь о женском достоинстве и правах человека.

Эрик развернул ко мне монитор.

— Поступления в наш закрытый контур за текущий месяц составили двести восемьдесят четыре тысячи рублей, — бесстрастно сообщил он. — Мой доход от платформы юридических услуг — двести десять тысяч. Твоя заработная плата в издательстве — семьдесят четыре тысячи. Я перевел все сто процентов своих активов на наш единый семейный счет. Можешь проверить выписку.

Я моргнула.

Подождите-ка. Он перевел ВСЁ?

— В смысле... всё? — недоверчиво переспросила я. — А как же твои личные деньги? Ну, там, на кофе с коллегами, на бензин, на... не знаю, на мужские штучки? Ты даже зачанку не оставил?

Эрик посмотрел на меня так, словно я спросила, почему он не дышит жабрами.

— Заначка — это утаивание ресурса от системы, ведущее к ее дестабилизации, — отрезал он. — Мы — единый организм. Если левая рука начнет прятать кровь от правой, наступит некроз. Все средства аккумулированы в Едином Центре Управления. Доступ к счету есть у нас обоих. Однако, — он сделал паузу, требуя внимания, — расходование средств теперь подчиняется строгому протоколу.

Вот оно! Я так и знала! Сейчас начнется диктатура!

Эрик достал из ящика стола толстую папку с файлами и положил ее перед собой.

— Я распределил бюджет согласно пирамиде Маслоу и индексу инфляции. Сорок процентов уходит на базовые потребности: оплата ипотеки, коммунальные услуги, закупка оптимального продовольствия...

Мой желудок предательски сжался при воспоминании о пятнадцати килограммах гречки, но я промолчала.

— Двадцать процентов направляется в амортизационный фонд. Это резерв на случай физической поломки бытовой техники или наших биологических оболочек. Тридцать процентов — долгосрочные инвестиции под сложный процент. И десять процентов — фонд оперативных расходов. Одежда, транспорт, бытовая химия.

Он подвинул ко мне маленькую стопку чеков и блокнот.

— А теперь, Анна, я жду твой отчет.

— Какой отчет? — я нервно сглотнула.

— Финансовый. За прошедшие три дня с момента внедрения протокола. Я выдал тебе наличными две тысячи рублей на транспортные расходы и непредвиденные логистические нужды. Мне нужны подтверждающие документы.

Мои глаза медленно, но верно полезли на лоб.

— Чеки? За проезд?! — мой голос сорвался в ультразвук. Я вскочила со стула. — Эрик, ты в своем уме?! Я что, корпоративный курьер?! Я твоя жена! Я ехала на маршрутке! Там проезд стоит пятьдесят пять рублей! Какие чеки в маршрутке, там водитель Махмуд сдачу мелочью в ладошку отсыпает!

— Если водитель не выдает фискальный документ, это нарушение налогового законодательства. Ты потворствуешь теневой экономике, — невозмутимо парировал супруг, даже не дрогнув под напором моих эмоций. — Микроутечки в бюджете ведут к макрокатастрофам. Если на космическом корабле каждый день будет улетучиваться по одному грамму кислорода в незаметную щель, через год экипаж задохнется. Куда ушли оставшиеся средства?

— Я купила кофе в автомате! Бутылку воды! И... и заколку для волос! — я чувствовала себя нашкодившей школьницей в кабинете завуча. Унижение жгло щеки. — Это копейки, Эрик! Ты зарабатываешь больше двухсот тысяч, мы не голодаем! Почему я должна отчитываться за каждую заколку?! Ты что, жадный?! Ты абыюзер?!

Я бросила это модное слово в лицо мужу, ожидая взрыва. Ожидая, что он стукнет кулаком по столу, закричит, что он тут мужик и он решает.

Но Эрик сделал то, от чего весь мой праведный гнев лопнул, как мыльный пузырь.

Он спокойно открыл свою толстую папку. Достал оттуда лист формата А4, исписанный его идеальным, похожим на печатный, почерком. И положил передо мной.

— Мой отчет, — произнес он ровным баритоном.

Я опустила глаза.

На листе был скрупулезно, до копейки, расписан каждый рубль, который он потратил за эти дни.

*«12.04. 08:30 — Электричка (билет) — 70 руб. (Чек приложен).
13.04. 13:15 — Обед в корпоративном кафе (суп овощной, котлета паровая) — 245 руб. (Чек приложен).
14.04. 19:00 — Ремонт обуви. Замена порвавшегося инурка на правом ботинке — 120 руб. (Чек приложен)».*

Я перебирала эти крошечные бумажки со скрепками, и до меня вдруг дошел весь масштаб моей психологической слепоты.

Он не был жадным. Жадность — это когда человек гребет под себя. Когда его эгоцентризм требует забирать ресурсы у других, чтобы ублажать себя любимого. Жадный муж прячет деньги на свои игрушки, а жене рассказывает про кризис. Тиран использует деньги как поводок, чтобы доказать свою власть и упиваться чужой зависимостью.

Но у Эрика не было это. У него вообще не было «себя» в этом уравнении!

Он не пил. Не курил. Не ездил на рыбалку за сотни тысяч. Не покупал себе дорогих гаджетов. Он ходил в одних и тех же качественных ботинках третий год, аккуратно заменяя шнурки. Он отдал мне, в наш общий котел, абсолютно всё, что заработал своим трудом. Все свои силы, свое время, свою энергию. Он был абсолютно, кристально, пугающе прозрачен.

Конечно. Он контролировал меня не потому, что не доверял. А потому, что система должна работать безупречно. Он был одинаково безжалостен и к себе, и ко мне. Он служил нашей семье так, как машина служит своей базовой программе — без остатка, на пределе мощностей.

В теологии есть потрясающее понятие — аскеза. Добровольное ограничение себя ради высшей цели. Мы привыкли думать об аскезе как о чем-то сугубо монашеском. Но ведь брак — это тоже своего рода монастырь. Это отказ от части своей эгоистичной свободы ради того, чтобы стать единой плотью с другим человеком.

«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», — сказано в Евангелии. Сокровищем Эрика было наше совместное выживание. Его идеальная, столетняя безопасность для меня. И ради этого он скрупулезно подшивал чеки за замену шнурков.

Глядя на этот чек за 120 рублей, я вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает странный, горячий комок. Мне стало невыносимо стыдно за свою истерику, за тайный эклер, за то, что я мерила его своей узкой, эгоистичной меркой.

В этой ледяной, математической, инопланетной логике было столько надежности, что о нее можно было опираться спиной в любой шторм. За этим человеком я действительно была как за каменной стеной. Да, стена была из голого железобетона, без единой розочки на обоях. Да, об нее можно было расшибить лоб. Но она никогда, ни при каких обстоятельствах не предаст и не рухнет.

Я молча сглотнула слезы, открыла сумку, достала блокнот и ручку.

— Прости меня, — тихо сказала я. Пододвинула к себе его эксель-отчет и вздохнула. — Записывай. Двадцать четвертое апреля. Заколка для волос, черная, пластиковая. Двести рублей. Чек утерян в связи с... хаотичным природным фактором. Бутылка воды негазированной. Шестьдесят рублей. Маршрутка...

Мы сидели на кухне еще сорок минут, вбивая мои жалкие траты в его монументальную Матрицу. Когда дебет с кредитом наконец сошелся (Эрик великодушно списал потерянные чеки в графу «Амортизация хаоса»), он удовлетворенно кивнул и нажал кнопку «Сохранить».

Я смотрела на его спокойное лицо, подсвеченное экраном монитора, и в моей душе разливалось удивительное, непривычное умиротворение. Да, у нас нет романтики. Да, я ем гречку. Но этот киборг отдает мне всего себя. Может быть, это и есть та самая суровая мужская любовь? И если я просто приму его правила игры, наша жизнь станет идеальной?

Я улыбнулась. Я была готова расцеловать его. Я была готова стать лучшей, самой послушной женой в галактике!

— Финансовый модуль закрыт, — резюмировал Эрик, закрывая ноутбук с тихим щелчком, прозвучавшим как удар судейского молотка. — Отличная работа. Синхронизация прошла успешно.

Он встал из-за стола, потянулся, расправляя свои широкие плечи, и повернулся ко мне. В его глазах не было ни намека на ответную нежность. В них горел холодный огонь новой задачи.

— Завтра суббота. Девять часов ноль-ноль минут.

— Да, милый? — проворковала я. — Мы пойдем гулять в парк?

— Мы переходим к фазе номер два Идеального Плана Выживания Семьи, — бесстрастно объявил мой муж. — Я проанализировал уровень загрязнения нашей жилой экосистемы. Пылевые клещи, споры грибков и частицы эпидермиса превышают допустимую норму на двенадцать процентов. Иницирую модуль «Оптимизация бытового труда».

Я напряглась, чувствуя, как мое недавно обретенное умиротворение испаряется со скоростью звука.

— Что это значит?

— Это значит, что я высчитал энергозатраты на каждый квадратный метр нашей жилплощади, — Эрик достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, оказавшийся очередной зубодробительной таблицей. — Для справедливого распределения нагрузки мы будем использовать эквивалент килокалорий. Твоя базовая физическая подготовка требует расхода трехсот килокалорий в день. Моя — четырехсот пятидесяти.

Он протянул мне лист.

— Завтра ты моешь полы во всей квартире. С учетом твоей массы тела и коэффициента трения швабры о ламинат, это ровно двести девяносто восемь килокалорий. А я приступаю к химической дезинфекции санузла. Подготовься. Отбой.

Он развернулся и чеканным шагом марширующего legionера покинул кухню.

Я осталась сидеть в тишине, глядя на выданный мне график уборки. Напротив графы «Унитаз» стояло: *«MAX735: расчетное время 42 минуты, расход 310 ккал, уровень угрозы — средний»*.

MAX735? Это еще что за новости?

Я покрутила бумажку в руках. Он что, идентифицирует себя с роботом-пылесосом? Или это название какого-то мощного химического растворителя, который он купил для унитаза? А может, это его старый никнейм из «Танков», и у моего мужа на фоне стресса просто поехала крыша в сторону киберпанка?

Я истерично хихикнула. Стена из железобетона, за которой я только что собиралась прятаться от жизненных бурь, вдруг начала надвигаться на меня, угрожая раздавить шваброй. Романтика была мертва. Финансы взяты под контроль. Начиналась Битва за Быт.

ГЛАВА 5. Биологическая угроза

В народе говорят: если муж с температурой 37,2 пишет завешание, прощается с детьми и просит пригласить нотариуса, то женщина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.